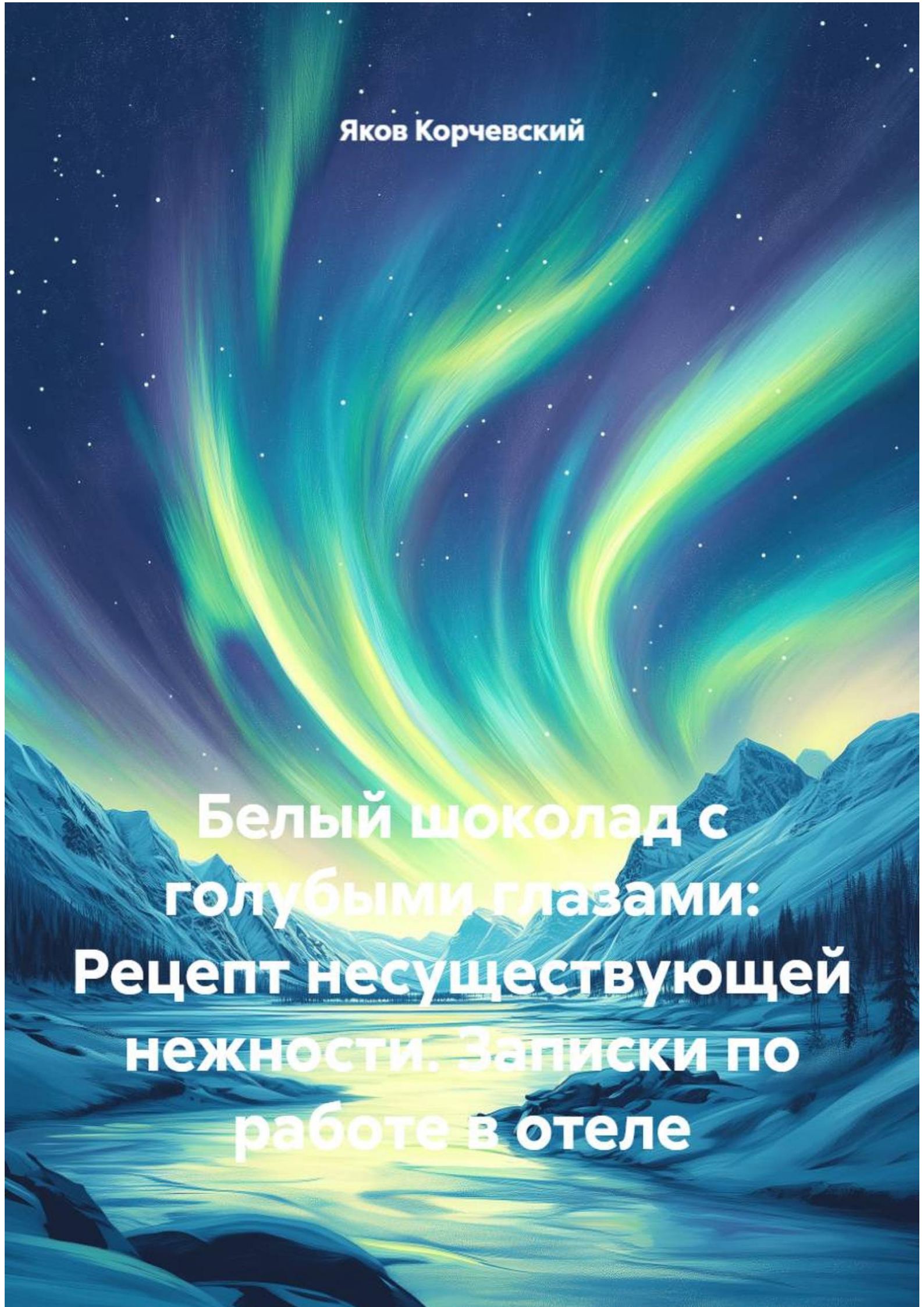

Яков Корчевский

**Белый шоколад с
голубыми глазами:
Рецепт несуществующей
нежности. Записки по
работе в отеле**

Яков Корчевский

**Белый шоколад с
голубыми глазами: Рецепт
несуществующей нежности.
Записки по работе в отеле**

«Автор»

2026

Корчевский Я.

Белый шоколад с голубыми глазами: Рецепт несуществующей нежности. Записки по работе в отеле / Я. Корчевский — «Автор», 2026

Белый шоколад с голубыми глазами: Рецепт несуществующей нежности в жанре психологическая проза о психологии личности. О понимании механизмов влечения и харизмы.

© Корчевский Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Очерк	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Яков Корчевский

Белый шоколад с голубыми глазами: Рецепт несуществующей нежности. Записки по работе в отеле

Очерк

*Конец. Помните только о настоящем,
любите сегодня и берегите друг
друга. Благодарю за прочтение.
Читайте с любовью, не
останавливаясь, ещё и ещё...*
Яков Анатольевич Корчевский

Белый шоколад с голубыми глазами: Рецепт несуществующей нежности. Говорят, любовь — это болезнь. Острое, горячее воспаление души, лихорадка, от которой плавится воля и сохнет во рту. Но моя любовь была другой. Она напоминала не жгучий перец чили, а белый пористый шоколад. Я придумала его сама, соткав из пустоты, как Пенелопа ткала саван для своей тоски по Одиссею, только мой узор состоял из света. Он родился в тот самый вторник, когда осенний дождь бил по стеклу так монотонно, что хотелось быть на луну, спрятанную за свинцовыми облаками. Город тонул в серой акварели, прохожие кутались в черные зонты, похожие на стаи нахохлившихся ворон, и вдруг внутренний мрак потребовал контраста. Требовал невозможного, ослепительного антидепрессанта. Он получился у меня идеальным. Слишком правильным для этого искривленного мира. Его глаза я взяла из самого чистого июльского неба — того редкого оттенка, который бывает лишь над Финским заливом перед грозой, когда горизонт еще чист, но воздух уже звенит от электричества. Это был цвет полярных льдов, прозрачного аквамарина и предрассветной прохлады. В этих глазах никогда не было дна. Я смотрела в них часами, утопая в этой ледяной синеве, и чувствовала, как мое собственное сердце, раскаленное докрасна одиночеством, покрывается тонкой корочкой приятного озноба. Они умели менять оттенок: становились темными, штормовыми, если он хмурил свои идеальные брови, или светлели до цвета талого снега, когда он улыбался. А улыбался он всегда уголками губ — сдержанно, понимающе, словно знал обо мне всё самое стыдное и прощал заранее. Эта полуулыбка сводила с ума сильнее любого громкого смеха; она обещала покой, которого не существует в реальности. Кожа — та самая метафора белого шоколада. Не мертвенная бледность вампира, не болезненный фарфор манекена, а плотный, густой сливочный цвет дорогого швейцарского десерта. На ней никогда не вскакивали мерзкие прыщи, ее не брал алкогольный румянец, ей были чужды красные пятна раздражения после бессонной ночи. Только ровное, теплое сияние изнутри, будто под тонким слоем глазури бежит расплавленное золото. Когда я закрывала глаза и проводила рукой по воздуху там, где должен был стоять он, мои пальцы покалывало фантомным холодком. Мне казалось, я чувствую этот запах — едва уловимый аромат горького миндаля, чистой хлопковой сорочки и чего-то неуловимо-молочного, съедобного, безопасного. От него невозможно было покрыться липким потом страха или пахнуть дешевым табаком. Рядом с ним даже пыль становилась стерильной. Его руки... Господи, эти руки заслуживают отдельной главы в анатомическом атласе моей бессонницы. Длинные аристократичные пальцы музыканта, которые никогда не знали мозолей от лопаты или вьевшегося машинного масла. Идеальный маникюр, безупречные линии судьбы на широких ладонях. Этими руками он

мог бы играть прелюдии Баха, извлекая из черного рояля хрустальную боль, или легко, почти невесомо касаться моего лица, стирая с него следы прожитых лет и чужой зависти. В моих фантазиях они никогда не сжимались в кулаки, не указывали обвиняюще перстом и не шарили по карманам в поисках ключей. Они только обнимали. Так держат самую хрупкую драгоценность, боясь оставить на полированном серебре отпечатки своих несовершенств. Его плечи казались высеченными из теплого камня — надежной скалой, о которую можно разбить любую жизненную бурю, зная, что камень даже не даст трещины. Мой идеальный мужчина пил только черный кофе без сахара, потому что сладости ему хватало внутри себя. Он читал Борхеса в старых бумажных изданиях, оставляя на полях карандашные пометки бисерным почерком. Он носил тяжелые кашемировые свитера графитового цвета, которые стоили целое состояние, но выглядели на нем так будто он родился в них. В его облике не было ни единой фальшивой ноты, ни одной дешевой детали. Он был соткан из материи премиум-класса, из того редкого материала, который не мнется от жизненных передраг и не выцветает на солнце обыденности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.